

ПРОФ. М. М. ГРОДЗИНСКИЙ

S. II
2982

УЧЕНИЕ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

ОТТИСК ИЗ КНИГИ „АРХИВ КРИМИНОЛОГИИ
И СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ № 1“
ЗА 1925 г.

28 июл. 1934

1925
2/15 X
1925 1934

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Імс. № _____

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМЮСТА УССР
ХАРЬКОВ — 1925

Учение о доказательствах и его эволюция

Основная задача уголовного процесса, в его применении к каждому отдельному случаю, заключается в разрешении вопросов о том, имело ли место преступление, кем оно совершено, какова степень социальной опасности или социальной недисциплинированности преступника, и требуется ли применение к последнему мер социальной защиты и каких именно. Правильный ответ на все эти вопросы может быть дан лишь после того, как судьей будут всесторонне рассмотрены все имеющиеся в деле данные, почему деятельность судьи, в основном и главным, заключается в отыскании и рассмотрении соответствующего материала с целью извлечения из последнего необходимых сведений, иначе говоря — в отыскании и рассмотрении доказательств. В виду этого доказательственное право, регулирующее порядок собирания и рассмотрения доказательств и основные правила оперирования ими, является существенной частью уголовно-процессуального права, соответственно чему приобретает огромное значение и та часть науки уголовного процесса, которая ведает вопросами, относящимися к данной области, и которая обычно носит название учения о доказательствах.

Если обратиться к современным уголовно-процессуальным кодексам с целью установить, какую обрисовку получило в них доказательственное право наших дней, то окажется, что содержащиеся в кодексах этих положения относятся почти исключительно к внешней, формальной стороне вопроса и сводятся к совокупности правил о порядке производства определенных судебных действий, направленных к получению доказательств (порядок производства допросов, осмотров) и к закреплению добытых результатов (порядок ведения протоколов); о правах и обязанностях лиц, могущих предоставить в распоряжение суда известные данные (каковы, свидетели, эксперты); о правах и обязанностях сторон и суда в области представления и истребования доказательств и т. д. Что же касается вопроса об основаниях, по которым должно производиться определение силы и значения доказательств, то здесь кодексы ограничиваются общими положениями, сводящимися к тому, что оценке подлежат лишь доказательства, надлежащим образом представленные и рассмотренные, и что

самая оценка эта производится на основании свободного убеждения судьи, в результате чего вопрос о ценности отдельных доказательств, т.-е. о их убедительности и способности привести к правильному решению, — оставляется законодателем совершенно открытым. Такой постановке вопроса в положительном праве соответствует и состояние этого вопроса в науке, которая до последнего времени занималась почти исключительно разработкой той части доказательственного права, которая может быть названа формальной, и оставляла в стороне область, относящуюся к учению о внутренней ценности доказательств, хотя правильное разрешение вопросов, связанных с оценкой доказательств, является основной гарантией правильной и успешной деятельности судьи.

Умолчание законодателя, относящееся к области вопросов оценки доказательств, и игнорирование наукой этой области имеют свое объяснение, лежащее в истории современного континентального процесса и в частности доказательственного права, пережившего своего рода революцию. Конец 18-го века застаёт на континенте Европы прочно сложившуюся систему доказательственного права, не только регулировавшего порядок собирания и рассмотрения доказательств, но и определявшего их внутреннюю ценность. Система эта, носящая название системы законных доказательств (иногда также называемая теорией формальных доказательств), исходила из того, что вывод судьи относительно виновности или невиновности подсудимого должен представлять собой не результат личного убеждения судьи, но заранее обусловленный законом вывод из наличия также заранее указанных условий. Стремясь, таким образом, устранить по возможности личное убеждение судьи, которое может сложиться различно, а также избегнуть субъективной оценки судьей доказательств, закон должен был исчерпывающим образом указать, каковы те условия, при которых судья обязан был прийти к определенному выводу, иначе говоря закон должен был заранее перечислить те доказательства, какие необходимы для вынесения того или иного приговора. Все доказательства делились на полные — полноценные и неполные — неполноценные (или-же, говоря терминами русского дореформенного процесса, — на совершенные и несовершенные); к первой категории относились те доказательства, которые — по мысли закона — гарантировали вполне истину и могли, если они имелись в деле, возобновить обвинительный приговор; таковы, например, принесенное в суде при наличии известных условий сознание подсудимого; показания двух согласных между собой достоверных свидетелей, заключение экспертов и др. Другие же доказательства, как, например, вне судебное сознание подсудимого, показание нескольких не вполне достоверных

свидетелей и т. д., — считались доказательствами неполными и сами по себе не могли лечь в основу обвинительного приговора, почему в этих случаях судья обязан вынести приговор, оправдывающий подсудимого или же оставляющий его в подозрении. Но неполные (несовершенные) доказательства, будучи взяты в известных соединениях, могли взаимно дополнять друг друга, при чем такое соединение неполных доказательств могло дать в результате одно полное доказательство, на основании которого мог быть вынесен обвинительный приговор; так, например, могли составить полное доказательство и повлечь за собой осуждение подсудимого внесудебное сознание, соединенное с показанием одного достоверного свидетеля; соединение нескольких косвенных улик с показанием одного свидетеля или с внесудебным сознанием и т. д. Положительное право отдельных стран знало множество вариантов в определении силы отдельных доказательств и их комбинаций, и в то время, как одни законодательства ограничивались более общими положениями, другие стремились возможно точнее и подробнее разработать систему доказательств и доходили при этом до установления особого счета доказательств, устанавливая силу последних в полной единице и в долях ее ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$), каковые различия оставляли, однако, нетронутой самую суть системы законных доказательств, суть, заключавшуюся в том, что сила доказательств устанавливалась не судьей, а самим законом, почему при наличии указанных в законе условий, судья обязан был верить этим доказательствам, хотя бы у него сложилось совсем иное убеждение по делу; в конечном результате, приговор являлся не тем выводом, какой был сделан судьей на основании его личного убеждения, но выводом, получавшимся после механического подсчета судьей доказательств, собранных по делу.

В настоящем очерке нет необходимости и возможности останавливаться на рассмотрении тех исторических условий, на почве которых выросла и развивалась, а затем отжила свой век система законных доказательств; достаточно лишь указать, что система эта, представлявшая собой в свое время положительный фактор в истории уголовно-процессуального права Европы, утратила с течением времени это свое положительное значение и превратилась в серьезное препятствие на пути дальнейшего развития уголовного процесса. Основной и органический при том недостаток системы законных доказательств заключался в том, что закон стремился заменить судью и заранее указывал, какова сила отдельных доказательств и их совокупности при наличии определенных условий; между тем никакой самым подробным образом изложенный закон не в состоянии заранее установить, что то или иное доказательство всегда имеет ту или иную

ценность. Бесконечное разнообразие жизни всегда делает то, что постановления закона могут оказаться противоречащими действительности, и что условия, в законе указанные, окажутся вовсе не гарантирующими правильность тех выводов, которые на основании этого закона должны быть сделаны. Так, например, совершенно очевидно, что далеко не всегда сознание, принесенное в суде и при том добровольно и не противоречащее обстоятельствам дела, является безусловной истиной; что очень часто показания двух, хотя бы кажущихся совершенно достоверными свидетелей, не только не являются „совершенным доказательством“, но, напротив того, вводят суд в заблуждение, и так далее. Поэтому правильное разрешение вопроса о ценности того или иного доказательства возможно только в том случае, когда оно производится в каждом отдельном случае судьей, свободным в этой своей оценивающей деятельности и руководящимся не велениями закона, а своими собственными выводами, сделанными на основании всех обстоятельств дела; система же законных доказательств неизбежно приводила к тому, что судья, связанный предписаниями закона, зачастую выносил приговор, который соответствовал требованиям закона, но в то же время не отражал в себе ни убеждения судьи, ни действительного положения вещей.

Указанные недостатки системы законных доказательств выявившиеся особенно резко тогда, когда встал вопрос о введении в суд представителей народного элемента и о построении процесса на началах устности, гласности и непосредственности, — могли быть устранены лишь ценой отказа от самой системы и замены ее системой свободной оценки доказательств судьей, каковой отказ не заставил себя ждать, как только уголовный процесс начал перестраиваться на новых началах, явившихся результатом тех социально-политических перемен, которые произошли в Европе в конце 18-го и первой половине 19-го века. Первый шаг в этом направлении был сделан Францией, которая, при создании нового уголовного процесса, после Великой Революции, отказалась от системы законных доказательств, предоставив судьям разрешать вопрос о ценности доказательств по внутреннему их убеждению; тем же путем пошли и немецкие законодательства, вводившие новый процесс после революции 1848 года, при чем в целом ряде случаев считалось необходимым резко подчеркнуть, что отныне оценка доказательств производится уже не по указанию закона, а по свободному убеждению судьи; таковы, например, постановления, содержащиеся в Баварском законе 10 ноября 1848 года, в прусском законе 3 января 1849 года, в австрийском процессуальном кодексе 1850 г. и др. Наконец, тот же процесс смены системы законных доказательств началом свободной